

Американская идеология
и претензии США
на глобальное доминирование

Деконструкция США и понятие Запада

Чтобы понять структуру современного мира, необходимо обратить внимание прежде всего на Соединённые Штаты Америки, являющиеся бесспорным лидером западного мира и задающие основные параметры глобализации. Запад в последние столетия обладает гегемонией в мировом масштабе: как в колониальной, так и в постколониальной версии. США же после Второй Мировой войны прочно заняли место авангарда Запада, став, тем самым, ядром глобальной доминации. Запад контролирует мир, США контролируют Запад. США контролируют мир. И даже те страны или цивилизации, которые стремятся сегодня освободиться от западного и американского влияния, для того, чтобы добиться этого, должны прежде всего понимать Америку. Без этого освобождение невозможно. Однако глобальная американская гегемония со своей стороны также понимает это обстоятельство не хуже, а то и намного лучше, чем ее противники. Поэтому американская сеть влияния, которая присутствует во всех странах и во всех обществах, следит за тем, чтобы такой взвешенной и объективной картины ни у кого не складывалось. Сама операция по деконструкции США даже на чисто теоретическом уровне жестко табуирована: орды американских агентов влияния делают всё возможное, чтобы исказить образ американской системы, запутать анализ, а любое объективное представление маргинализировать, осмеять и подавить в зародыше. Поэтому для всех противников однополярного мира деконструкция Соединённых Штатов, то есть корректное и контекстуальное постижение их истинной природы и структуры является первоочередной задачей. С этого должна начинаться разработка концептуального арсенала, направленного на ниспровержение гегемонии и глобальной американской доминации.

Сразу же следует сделать предварительные разграничения: США сегодня — это главный полюс Запада, но не весь Запад. Понятие «Запад»

в цивилизационном смысле может означать четыре разных явления, имеющих однако иерархическую структуру:

США как центр принятия важнейших стратегических решений от лица всего Запада. Это выражается:

а) в военно-стратегическом могуществе США, позволяющем единолично лидировать в НАТО;

б) в эффективности американской либеральной экономики и доллара как мировой резервной валюты, а также в ключевой роли американских транснациональных корпораций;

в) в господстве американской системы ценностей и американской культуры;

г) в лидерстве США в вопросах высоких технологий и научно-технических инноваций.

США + Европа, составляющие совокупно исторический ареал возникновения западной цивилизации, Новый и Старый мир. Европа, с одной стороны, является исторической матрицей этой цивилизации, а с другой, в нынешних условиях, ближайшим стратегическим сателлитом США, конкурирующим с Новым светом лишь во второстепенных вопросах, но следующим за ним во всех стратегически первостепенных вопросах (геополитики, идеологии, дипломатии, экономики и т.д.).

Те страны мира, которые полностью ориентируются на США и/или Европу и контролируются ими во всех основополагающих вопросах, представляя собой сателлитов второго уровня.

Глобальная сеть прозападных политиков, идеологов, экономистов, магнатов, деятелей науки и культуры, которые присутствуют в элитах (реже в маргинальных кругах) всех остальных незападных и даже антизападных стран и народов.

Ось гегемонии

В этой ситуации США являются ядром Запада, его сущностью, эссенцией, а также главным центром. США— субъект Запада, а так как Запад остается субъектом мирового масштаба, то США становятся субъектом вдвойне. Далее степень субъектности ослабевает по мере удаления от первого слоя к четвёртому: Европа уже менее субъектна, чем США, но более субъектна, чем незападные, но прозападные страны. А прозападные страны более субъектны, чем сеть влияния в непрозападных и антизападных странах. Эта иерархия является непоколебимой осью американской гегемонии, где во главе прочно стоят США и их наиболее действенные элиты, далее элиты Евросоюза (уже относительно главенствующие и суверенные, так как вынуждены следовать за США), затем элиты (полуоккупационные, компрадорские и чаще всего

постколониальные) прозападных стран и, наконец, агентура американского влияния, действующая изнутри стран и обществ, не признающих открыто легитимность американской доминации. Такова структура глобальной оси гегемонии, имеющая, вопреки тому, что пытаются утверждать сами носители гегемонии, не демократическую основу, но строгую иерархическую систему с вполне ясным и структурным распределением полномочий. Американская элита курирует европейскую, совместно они курируют элиты прозападных стран (причём европейский сегмент всегда выполняет подчинённые функции), а все три инстанции (США, Европа и элиты прозападных стран) вместе поддерживают и курируют сети в остальных регионах.

Можно продемонстрировать, как устроена эта ось гегемонии на близком примере Российской Федерации.

Российско-американские отношения представляют собой поле постоянного давления Вашингтона на Москву во всех областях — в дипломатической, военно-стратегической, экономической и культурной. Цель давления — принудить к принятию навязываемых американцами правил и принципов в каждом конкретном вопросе. Это главная ось прямой десоверенизации России, где глобальный гегемон стремится сломить волю к сопротивлению региональной державы, настаивающей на своей самостоятельности и независимости.

Более нюансировано происходит воздействие на Россию в том же направлении со стороны Евросоюза. Европа несколько смягчает тон переговоров, подчас отходит от жёсткой американской линии, предлагает некоторые компромиссные решения. Но основой вектор европейской политики в отношении России полностью выстроен в американском (атлантистском) ключе.

Прозападные режимы постсоветского пространства (например, Грузия или Украина) с опорой на США и отчасти на Европу проводят конфронтационную политику в отношении России, пытаясь создать региональные проблемы и спровоцировать большее вовлечение Запада на соседние с Россией территории, вплотную прилегающие к её границам.

И наконец, все эти три инстанции — от Вашингтона и Брюсселя до Тбилиси и Киева — поддерживают и курируют различные сегменты прозападной сети в самой России. Американская политика пользуется поддержкой и взаимодействует с двумя группами своих сторонников в стране: одна группа является открытой либерально-проамериканской оппозицией, а другая, находясь внутри политического класса и государственного аппарата и формально выражая лояльность власти, на деле способствует реализации целей США, выступая из конъюнктурных или идейных соображений за максимальную либерально-прозападную ориентацию в политике страны.

Описание оси гегемонии дает ясное представление о том, как технически США (и Запад в целом) осуществляют своё господство над миром, но ничего не говорит о содержании этого господства. Для того, чтобы более внимательно разобраться в этом вопросе, следует обратиться к самим США, ведь именно здесь лежит ключ к пониманию природы этой гегемонии. Мы можем прекрасно сознавать, как США оказывают влияние на мировую политику, действуя извне и изнутри, но это пока не приближает к пониманию, что такое США? Чего хотят их правящие элиты? Какими идеями, планами и целями они на самом деле руководствуются? Как устроена там система принятия основных решений? Кто формирует консенсус и определяет его параметры?

Американское время

Важнейшим элементом американской политики на мировой арене является ее идеологическая подоплёка. На этот элемент не всегда обращают должное внимание страны, имеющие дело с американской внешней политикой.

Американская идеология зародилась и непрерывно развивается с момента прибытия в США пуританских «отцов-пилигримов». Примечательно, что вначале она стремилась обосновать «особость», «отдельность» и даже добровольную политическую изоляцию США от других развитых стран мира, однако затем довольно органично развилась в идейное оправдание американской внешнеполитической экспансии и глобализма. И в том, и в другом случае опорой этих идеологических построений служил постулат об исключительности и мессианском характере американского общества и государства.

Нельзя сказать, что только американская идеология является уникальным случаем идеологии, обосновывающей исключительность и экспансионистские претензии своего государства. Можно вспомнить массу примеров, начиная с древней Китайской империи (которая описывалась, как «Поднебесная империя», за пределами которой находятся исключительно варвары) и заканчивая Британской империей (чья глобалистская идеология в законченном виде отразилась в знаменитом лозунге «Правь, Британия, морями» и в творчестве Р. Киплинга). Однако американская идеология своеобразна тем, что в своём развитии она достигла новых высот в оправдании глобализма США и особой международной роли своего государства. Американская идеология стала претендовать на то, что она формирует будущее не только собственной империи, но и всего мира, поскольку в идеальной (с ее точки зрения) перспективе видит весь мир этой империей.

Идеология американской исключительности зародилась в момент прибытия пуритан, покидавших Великобританию и направлявшихся в

недавно разведанные земли Северной Америки с целью оградить себя от религиозных преследований. В 1630 г. Дж. Уинтроп, лидер одной из групп переселенцев, направившихся в Америку, впоследствии ставший губернатором колонии Массачусетс, в своей проповеди определял миссию пуритан, как создание в Новом Свете Божьего «Града на холме» (City upon a Hill) — нового идеального общества, образца для всего мира. Таким образом, в этой концепции закладывались основы не только американской исключительности, но и мессианства. Впоследствии представление об этой исключительности сохранялось и укреплялось в Америке благодаря многим факторам: удалённости от перенаселённой Европы, на редкость благоприятным географическим и природным условиям социально-экономического развития, растущим успехам североамериканских колоний в освоении новых, весьма обширных территорий.

Американская революция XVIII в. и образование США только усилили этот мессианизм, придав ему новое политическое измерение: Америка представлялась теперь уникальным республиканским экспериментом, призванным освободить человечество от монархической «тирании». Тем самым, как писал в своём памфлете «Здравый смысл» ведущий публицист колоний периода революции Т. Пэйн, «дело Америки» становилось «делом всего человечества».

По мере усиления США американские политики, опираясь на возросшую мощь своего государства, сделали заявку на распространение американских политических принципов на весь мир. Наиболее ярко это сделал президент В. Вильсон. В период подготовки к вступлению в Первую мировую войну он сформулировал американский подход следующим образом: «Мы настаиваем на безопасности, чтобы иметь возможность следовать по избранному нами пути развития. И мы делаем ещё больше: требуем этого и для других. Мы не ограничиваем нашу горячую приверженность принципам личной свободы и свободного национального развития лишь теми событиями и переменами, которые имеют отношение исключительно к нам».

С исторической точки зрения, американская идеология построена на абсолютной вере в прогресс, поступательное развитие человеческой цивилизации. Этот прогресс здесь мыслится в контексте либеральной парадигмы: ход эволюции ведет от животного к человеку, а в человеческом цикле от несвободного индивидуума — к свободному. Индивидуальная свобода есть вершина исторического развития. Эта свобода мыслится прежде всего как свобода торговли и как свобода от всех внешних стеснений (национальных, государственных, религиозных и т.д.). Поскольку война отнимает жизнь человека, а значит, ограничивает его, то торговля (как антитеза войны) становится приоритетным полем деятельности и пространством конкуренции одного

свободного индивидуума с другим. Отсюда цель общества заключается в том, чтобы стать обществом свободных индивидуумов, живущих в условиях рынка. На пути к достижению этой цели необходимо пройти два этапа: вначале торговым и либерально-демократическим становится прогрессивное государство (как, например, Голландия XVII-го или Англия XVIII — начала XX вв.), а затем, во второй фазе, границы между государствами стираются, и всё человечество оказывается единым рынком, в котором участвуют свободные индивидуумы, граждане Земли. Войны упраздняются вместе с национальными государствами, наступает «конец истории» (Ф. Фукуяма)¹.

Американские элиты мыслят США как политическую систему, находящуюся на стыке этих двух наиболее прогрессивных фаз: именно в США были созданы оптимальные предпосылки для становления гражданского общества, поэтому США как государство уже в самом себе есть прообраз либерального человечества — Соединённых Штатов Мира. Штаты в США не воюют между собой, поэтому мир должен воцариться и в масштабе всей планеты, где государства станут Штатами, тем более, что в английском языке это одно и то же слово — State (означает и государство, и штат). В этой исторической оптике США больше, чем государство — это прообраз будущего устройства всемирного гражданского общества. Значит, США — не просто силовой, но смысловой, идейный авангард Запада, это будущее Запада, где исполнение высшей цели развития частично уже достигнуто.

От этого корня происходит идеология американской экспансии XIX в., сформулированная во время войны с Мексикой (1840-е гг.) в виде доктрины «предопределения судьбы» (Manifest Destiny), которую американское руководство, пытаясь обосновать свои претензии на новые земли, взяло в тот момент на вооружение. Автор этой доктрины, известный политический обозреватель Дж. О'Салливен, в одной из своих статей, посвящённых континентальной экспансии, сформулировал постулат, согласно которому США якобы «предначертано самой судьбой» расширяться и дальше в юго-западном направлении. Эта мысль быстро обрела большое число сторонников как в широких слоях населения, так и в политической элите США, поскольку позволяла легко и просто обосновать правомерность американских претензий практически на любую территорию.

На этой же самой основе базируется и американский глобализм XX–XXI вв., обосновывающий право и обязанность США быть главной силой продвижения либеральной демократии и рыночного устройства в мире. США, таким образом, есть кульминация исторического процесса,

---

¹ Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2007.

исполнение мессианской мечты, «Град на Холме». Европа же есть предшествующая и исторически ограниченная фаза того же процесса. Европа Нового времени есть прелюдия к Америке. Именно в этой идеологии воспитано современное американское общество: через эту призму видят мир американские элиты, имеющие четкое представление об этой исторической модели, а также рядовые американцы, хотя последние осмысливают происходящее с Америкой и вокруг неё довольно фрагментарно и приблизительно.

Американское пространство

Этот исторический взгляд предопределяет и географическое самосознание американцев. Отцы-пилигримы, английские пуритане-переселенцы, видели в новой колонии «землю обетованную», территорию истинной свободы. Это было протестантской прелюдией к формированию американского самосознания, к которому постепенно добавилось светское секулярное понимание прогресса, свойственное Новому времени. Постепенно США стали не только «раем» для радикальных протестантских (часто эсхатологических) сект, но и «раем» вообще, где к религиозному (протестантскому) представлению о свободе добавилось представление о свободе в более широком смысле. Таким образом, США стала территорией прогресса. Но прогресс и свобода индивидуума являются ценностями универсальными и всечеловеческими (в сознании самих американцев). Поэтому в США как обетованной земле либерализма и модерна пересекается локальное (национальное) и вселенское, универсальное. И снова мы видим, что американская идея совмещает в себе национальное и глобальное: на территории США было построено общество на принципах свободы, открытое для эмигрантов со всего мира, но это не только привилегия их жителей, но универсальная модель и для тех обществ, из которых вышли сами эмигранты, сделавшие Америку Америкой. В США приехали избранные, и пройдя плавильный котел, были призваны затем передать американский опыт тем странам и народам, откуда они вышли. Так территория США становилась «пупом земли». Всё, что творилось здесь локально, обладало глобальным характером. По крайней мере, именно так мыслят свою историю сами американцы. Это — открытая страна-мир, а американцы суть народ-человечество. Так американское время и американское пространство складываются в концепт «территории будущего». Европа в такой оптике становится чем-то предшествующим не только в смысле времени (как пред-Америка, прото-Америка), но и в смысле пространства — как Старый Свет, главная функция которого состояла в том, чтобы породить Новый. На этом функции Европы заканчиваются, и она превращается в «бесплодную старуху».

Американский субъект

Третьим компонентом американской идеологии является субъект. Этот субъект есть носитель идеологии, сконструированный ею и продолжающий конструировать её саму, развивая различные стороны, адаптируясь к изменчивой действительности, но сохраняя при этом преемственность. Этим субъектом выступает американская элита. В своём ядре она изначально состояла из типа WASP (White Anglo-Saxon Protestant), так как именно протестанты из Англии были ядром колониального общества и носителями, с одной стороны, эсхатологических представлений, а с другой — интеллектуальной культуры Нового времени. Секулярная идеология исторически формировалась и развивалась в рамках масонских лож, которые были настолько распространены в США, что к ним принадлежала практически вся элита и значительное число президентов США. Впрочем, протестантизм не противоречил масонству, и протестантско-масонский альянс воплощал в себе кульминацию американских представлений о прогрессе — религиозных, технических и социальных. При этом доступ в элиту был относительно свободным и теоретически открыт для всех остальных (кроме чернокожих и индейцев) при том условии, что они разделяли основные идейные установки этой структуры, то есть «американскую идеологию».

Именно эта элита и является правящим классом США с периода Войны за независимость, так как ранее, будучи английской колонией, Северная Америка была частью Британской империи, политическая элита которой была более сложной по составу — ни крайние протестанты (пуритане), ни носители секулярного прогрессистского мировоззрения в XVIII в. в ней не доминировали. Как ни близка была Англия к англосаксонским США, всё же это была Старая Европа, то есть прото-Америка. Настоящая американская элита продолжала британские традиции, но в несколько изменённом виде — она была на шаг прогрессивнее и свободнее, более соответствующей идеалу будущего.

Современная американская элита сформирована американской идеологией и является её носительницей. Это и есть американский субъект, который принимает решения по самым принципиальным вопросам мировой политики. Учитывая, как этот субъект интерпретирует историю и географию, становится ясно, что и самого себя он интерпретирует одновременно как американский, западный и всечеловеческий. Ведь именно к США сходится для американской элиты и вектор истории, и логика географии (перенос центра мировой талассократии от Англии к США после Второй мировой войны), и универсальная судьба всего человечества. Ставя знак равенства между американским и всечеловеческим, американским и универсальным,

всеобщим, глобальным, планетарным, американцы по большей части не лукавят — таков их взгляд на мир. Нечто подобное мы видели в советской идеологии, настаивавшей на том, что в СССР был построен политико-экономический прообраз будущего, и в ходе мировой революции ему суждено стать судьбой всего человечества. На разных этапах советской истории к этому относились по-разному — с большей или меньшей искренностью, но догматом коммунизма этот пункт оставался неизменно. Точно также и США: универсальное измерение американского общества — это американский догмат, аксиома американской идеологии. Поэтому вполне можно выдвинуть тезис о том, что будущее мыслится американской элитой в оптике «всемирной американской революции» или «либеральной революции».

Единственное отличие американской идеологии от коммунистической состоит в том, что в СССР эта идеология была эксплицитна и признавалась за таковую, а в США она является имплицитной, подразумеваемой. Образовательный процесс всех уровней — от домашнего воспитания до школы и университетов — целиком и полностью построен на началах «американской идеологии», но как таковая она нигде в явной форме не излагается. Скорее она воспринимается как традиция, как нечто самоочевидное, как здравый смысл. Но стоит только внимательнее присмотреться к американскому оптимизму, который считается национальной чертой (американцы любят повторять к месту и не к месту — *go ahead!* вперёд!), мы увидим, что и он является идеологически обусловленной формулой, возникающей не спонтанно, но транслирующейся через весь массив американской культуры, кинематографа, литературы, образования, телешоу. Этот «оптимизм», ставший психологической чертой, на самом деле есть результат интенсивного идеологического воспитания в духе абсолютной веры в прогресс. То же самое справедливо и в отношении подразумеваемой избранности американцев, и шире — всего корпуса либеральной идеологии, которая, в отличие от коммунизма в СССР, никогда не называется идеологией. В этом смысле коммунисты были честнее: они объявляли, что занимаются идеологической пропагандой и занимались ею. Американцы претендуют на борьбу со всеми строгими идеологиями (в первую очередь, с тоталитарными), но саму эту борьбу незаметно превращают в идеологию. Эта идеология хорошо изучена и досконально описана. Её имя — либерализм. Американская идеология — либеральная идеология, поэтому мы вполне можем называть американского субъекта — либеральным субъектом, а американскую элиту — либеральной элитой.

Американская идеология и теории международных отношений

После предыдущих пояснений становится понятным, что именно находится на вершине оси гегемонии, занимает высшую ступень в её иерархии — это американский субъект (либеральный субъект), представленный американской элитой или, ещё точнее, той частью элиты, которая яснее и полнее всего владеет идеологическим самосознанием. Теперь мы можем конкретизировать структуру этого американского субъекта, который и претендует в современной ситуации на полноту глобальной власти. Это образ Мирового Правителя (Всемирного судьи и Мирового жандарма), которому в той или иной степени подчиняется всё человечество — и те, кто принимает его власть безропотно и лишь стремится исполнить его волю лучше и быстрее других, и те, кто пытается ему сопротивляться и пусть частично, но отстаивать суверенитет.

В политической системе США устойчиво сложилась двухпартийная модель. Эта модель представляет собой поляризацию американского субъекта, воплощая в себе два полюса американской элиты. Смысл этой системы станет совершенно понятен, если мы вновь обратимся к американскому пониманию времени и пространства. США в структуре американской идеологии являются одновременно чем-то качественно двойственным: это одновременно и локальное (страна), и глобальное (территория будущего), и национальное (государство), и универсальное (судьба человечества). Сами США есть одновременно и то, и то, но при расшифровке этого синтетического тезиса он раскладывается на две возможные интерпретации:

в первом случае США вначале локальное, а затем универсальное (тезис *Americafirst*),

во втором — США вначале универсальное, а затем локальное.

Если продолжать параллели с советской идеологией, можно условно соотнести первое с американ-сталинизмом (либерал-сталинизмом) и тезисом о «построения образцового капитализма в одной стране», а второе — с американ-троцкизмом (либеральным троцкизмом) и тезисом о приоритете мировой «либеральной революции». Эти два полюса распределены условно между республиканцами и демократами: республиканцы (не имея ничего против «мировой либеральной революции»), полагают, что прежде всего надо защитить национальные интересы США (как оплота мирового либерализма), а демократы подталкивают к тому, чтобы не ограничиваться национальными интересами, и уже сейчас, не медля, мыслить и действовать как Мировое Правительство, ответственное за всё человечество (по ходу дела ускоренным образом свергая все те режимы, в которых либеральная

демократия недостаточно глубока). Между обеими партиями существует глубокий идеологический консенсус относительно главного: необходимость и даже предопределённость американской (то есть западной и либеральной) доминации никто не ставит под сомнение, речь идёт только о спорах относительно последовательности этапов исторического процесса и об оптимальной на каждом конкретном этапе тактике.

В научной дисциплине «теория международных отношений» (далее — ТМО), сложившейся в Англии и получившей особое развитие в США, этим двум позициям соответствуют две теоретические платформы: первой — реализм, второй — либерализм.

«Реалистами» в ТМО (далее — МО-реалисты) принято называть тех, кто утверждает, что принцип национального суверенитета является главенствующим и что каждая страна должна действовать, прежде всего, исходя из своих собственных интересов. МО-реалисты стремятся анализировать международную жизнь такой, какова она есть (отсюда их название), а не такой, какой она «должна» быть с точки зрения неких идеалистических представлений. Классиком и основателем МО-реализма является Ганс Моргентау².

«Либералами» в ТМО (далее — МО-либералы) называют тех, кого отличает вера в прогресс, поступательное развитие мировой политики. В основе этой веры лежит убеждённость в гуманистической природе человека, способной перестроить мир в соответствии с принципами всеобщего блага. Они считают, что международные отношения должны регулироваться нормами права и морали. Наиболее радикальная часть МО-либералов считает, что прогресс человечества ведёт к преодолению национальных государств, к созданию Мирового государства и Мирового Правительства с постепенным стиранием границ и созданием глобального «гражданского общества».

Очевидно, что республиканцам ближе МО-реализм, а демократам МО-либерализм.

В США эти две позиции точно соответствуют самой структуре американской идеологии. МО-реалисты приоритетом выбирают США как государство, а МО-либералы — США как оплот и авангард мирового либерализма. Но особенно важно подчеркнуть, что, в отличие от МО-реалистов и МО-либералов в других странах, в США мы имеем дело не просто с одним государством среди многих и его национальными интересами, но с государством, изначально задуманным как универсальное, всеобщее. Поэтому область национальных интересов США заведомо должна быть глобальной. При этом МО-реалисты в США не сильно отличаются от МО-либералов, поскольку в той или иной

---

² *Morgenthau, Hans J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Second Edition. New York, 1955.*

степени признают глобальный масштаб американских национальных интересов. Но всё же они в первую очередь мыслят в категории именно «интересов», а не «ценностей».

Американские МО-либералы отличаются от «обычных» либералов тем, что настаивают на необходимости установления Мирового Правительства и проведения «либеральных революций» в глобальном масштабе, тогда как либералы в широком смысле отстаивают, прежде всего, индивидуума как высшую ценность и требуют максимально освободить его от «опеки» государства и других форм коллективной идентичности. В США в этом широком смысле либералами являются все поголовно, и демократы и республиканцы, и МО-либералы, и МО-реалисты: все они являются носителями «американской идеологии», которая строго тождественна именно либерализму. Расхождение между МО-либералами и МО-реалистами, между демократами и республиканцами начинается тогда, когда ставится вопрос о скорости и ритме процессов либеральной глобализации и балансе между американскими (а поэтому заведомо либеральными) национальными интересами и универсальными (либеральными, а поэтому американскими) ценностями. В основном они едины, и в этом состоит сущность американского консенсуса, основанного только на одном — на единстве американской идеологии.

Институты американской идеологии

После заключения Версальского мира вокруг американского президента Вудро Вильсона, одного из ярчайших представителей МО-либерализма, сложилась группа единомышленников, которых можно отнести к числу «либерал-троцкистов». Эта группа стала известна как Council on Foreign Relations (сокращенно CFR), Совет по международным отношениям (далее — СМО). В нее вошли американские интеллектуалы, специалисты в МО, крупные финансовые магнаты (в частности, банкирские дома Рокфеллеров и Морганов) и крупные политические деятели. Члены этой группы стали разрабатывать план глобальной «либеральной революции», направленной на установление Мирового Правительства. Постепенно СМО стал одной из самых влиятельных американских «думающих корпораций», (центров по исследованию политики и формулированию политических рекомендаций и принципов). В 1960-е гг. в СМО сделали стремительную карьеру такие яркие представители американской внешнеполитической мысли, как Збигнев Бжезинский и Генри Киссинджер.

СМО стал идейным центром американской идеологии, квинтэссенцией американского консенсуса, и показательным, что в Совет входили представители как республиканцев, так и демократов. Именно

здесь пытались найти баланс между ценностями и интересами, между локальным и универсальным в структуре американской политики относительно главных мировых вызовов. Поэтому, несмотря на то, что у истоков СМО стояли убеждённые сторонники Мирового Правительства и МО-либералы, влияние этой структуры распространялось и на МО-реалистов, тем более что сам Генри Киссинджер, один из самых ярких и влиятельных членов СМО, был республиканцем и представителем реалистического направления в МО.

В качестве иллюстрации идейной направленности СМО на текущем этапе можно привести слова нынешнего президента Совета Р. Хааса, сказанные им в 2006 г.: «Необходимы новые механизмы для регионального и глобального управления, членами которых являлись бы не только государства. Это не означает, что Майкрософт, Международная Амнистия или Голдман Сакс должны получить места в ГА ООН. Но это означает включение представителей данных структур в процесс обсуждения региональных и глобальных вопросов, в рамках которого они могли бы оказывать влияние на то, каким образом решаются региональные и глобальные проблемы. Более того, государства должны быть готовы уступить часть суверенитета мировым структурам, если мы хотим, чтобы международная система сохранила функциональность». Далее Р. Хаас развивает свою мысль: «Наша цель должна состоять в том, чтобы заново определить сущность суверенитета в эру глобализации, найти баланс между миром, состоящим из полностью суверенных государств и международной системой в виде мирового правительства или анархии»³. Можно с уверенностью предположить, что вариант с международной анархией Р. Хаас считает заведомо неприемлемым.

С 1970-х гг., однако, в США стало формироваться альтернативное направление политического анализа и идеологии, постепенно набравшее силу и вступившее в конкуренцию с СМО. Его участники получили имя «неоконсерваторов», так как опирались преимущественно на республиканцев, хотя имели влияние и на некоторых демократов. Неоконсерваторы (У. Кристол, П. Вулфовиц, В. Нуланд, Р. Кэйген и др.) отличались от старых консерваторов (палеоконсерваторов) тем, что не меньше МО-либералов понимали важность универсальной миссии США (тогда как некоторые палеоконсерваторы склонялись подчас к изоляционизму). По сути, они не слишком отличались от СМО, а всё различие заключалось в том, что для неоконсерваторов приоритетом было построение американской либеральной империи, с сохранением её государственной системы, тогда как МО-либералы из СМО допускали

---

³ *Richard N. Haass. Sovereignty and globalization. Council on Foreign Relations. February 17, 2006. URL: <http://www.cfr.org/sovereignty/sovereignty-globalisation/p9903>.*

скорейшее создание Мирового Правительства на наднациональной основе. Для СМО миссия США принципиально завершена после падения СССР, и пришло время строить глобальный мир с параллельной ликвидацией национальных государств. Это не значит, что СМО предполагали демонтаж самой американской государственности: если государствам и следует отмереть, то США исчезнут последними, передав полноту планетарной власти правительству Соединённых Штатов Мира, созданных в целом по американскому образцу. Неоконсерваторы, в свою очередь, считали, что время для такого перехода ещё не наступило, и поэтому задача США — укреплять собственную либеральную Империю, которая и должна стать ядром всей мировой политической системы в неопределённом будущем. Но в силу вызовов, исходящих от других цивилизаций — России, Китая, исламского мира, Латинской Америки и даже Европы (которую неоконсерваторы рассматривали как весьма проблематичного вассала, требующего к себе слишком много внимания) — необходимо всячески усиливать мощь самих США, не особенно считаясь со всеми остальными силами. В политике эта линия возобладала в период президентства Джорджа Буша-младшего, но стала важнейшим политическим фактором ещё в 1990-е гг., при демократе Б. Клинтоне.

СМО и неоконсерваторы в одинаковой степени являются носителями американской идеологии, и для них национальные интересы США и установление мировой либеральной системы, в конечном счёте, строго совпадают. Разница между обеими группами лишь в том, что первые смотрят на актуальное положение дел довольно оптимистично и спешат с мировой либеральной революцией и установлением Мирового Правительства, а вторые, напротив, действуя как либерал-сталинисты, полагают, что следует укрепить сами США, превратив их в могущественную империю, и лишь потом, преодолев многие вызовы со стороны других цивилизаций, плавно переходить к чисто интернациональным Соединённым Штатам Мира.

Показательно, что в целом эти два курса — с преобладанием МО-либералов или МО-Реалистов — не слишком отличались по своим результатам: в обоих случаях США отчаянно стремились укрепить свою гегемонию, ослабить конкурентов, нанести удары по реальным соперникам, демонизировать и по возможности сокрушить тех, кто бросал вызов американской идеологии.

Слои американской идеологии в поясах Запада

Выяснив самым общим образом институциональные структуры оси гегемонии и определив главные интеллектуальные штабы американской

идеологии, можно кратко рассмотреть, как они влияют на остальные круги Запада, которые мы выделили.

В Европе СМО создавал сети своих филиалов в разные периоды времени. Сразу после Версаля те же круги, что составляли ядро СМО вокруг Вудро Вильсона, способствовали созданию в Лондоне Королевского института международных исследований (Чэтэм Хауз), задачей которого было проводить линию на либерализм и Мировое Правительство в Европе. В 1970-е гг. на новом историческом витке СМО учредило Трёхстороннюю Комиссию, двумя сторонами которой, наряду с американской, стали европейцы и японцы. При этом европейский отдел Трёхсторонней комиссии был приоритетно занят вопросами европейской интеграции на основе либеральной (по сути американской) идеологии. И наконец, уже в 2000-е гг. СМО приступило к созданию своих прямых филиалов в Европе, хотя прежние структуры всё ещё сохранялись и продолжали действовать. Тем не менее, всё связанное с СМО в Европе мы можем рассматривать как главные центры американской гегемонии. Официальные дипломатические, военно-стратегические (в рамках НАТО), экономические и финансовые институты, отвечающие за американо-европейское партнёрство и единство атлантистской стратегии по сравнению с сетью СМО были вторичны. Идеологическим ядром атлантистской Европы, то есть инстанцией, отвечающей за судьбы Запада, были именно те сети, которые так или иначе замыкались на СМО. Показательно, что активным членом СМО был и остаётся знаменитый рыночный спекулянт и мультимиллиардер Джордж Сорос, ярый апологет «открытого общества» и открытый сторонник Мирового Правительства. Структуры Сороса также относятся к этой сети.

Показательно, что неоконсерваторы собственных сетей в Европе не создали, а те центры, которые были ориентированы на них, имели маргинальный статус. Это вытекает из базовой установки консерваторов на единоличную доминацию США, которым нужны не партнеры, а покорные исполнители.

Аристотель различал в своей «Политике» два вида управления: господство и политика. Господство осуществляется над рабами, домашними и животными, которые считались в Греции и Риме собственностью домохозяина; господство не предполагает субъектности в тех, кем управляешь. Политика, в свою очередь, это управление свободными. Если рабу достаточно приказать, то свободного необходимо убедить. В этом смысле СМО занимаются в Европе политикой, а неоконсерваторы — господством.

На следующем круге Запада два главных центра международной политики США в целом действуют также, как в Европе. Проамериканские режимы СМО стараются удержать в зоне американского влияния не только принуждением, но и лестью, подкупом,

то есть политикой. Главное не столько подчинить режимы таких стран прямой воле Вашингтона, сколько способствовать развёртыванию в них демократических реформ. Экспорт «цветных революций», которыми во всём мире занимается Фонд Сороса — одно из любимых средств МО-либералов в достижении своей цели. При этом неоконсерваторы со своей стороны оказывают политическую, финансовую и военную поддержку тем режимам и политическим силам, которые готовы напрямую выполнять волю США, подчас взаимодействуя и с теми силами, которые далеки от классических норм либеральной демократии. Но в целом и в Европе, и в прозападных странах обе эти инстанции действуют заодно по единому принципу: большая степень либерализма ведёт к большему влиянию США и наоборот. Всё это прекрасно укладывается в рамки американской идеологии: работающий на США служит историческому прогрессу человечества, действующий в интересах либерализма помогает США как оплоту последнего реализовать свои исторические задачи.

В некоторых случаях, как например, в Грузии и на Украине, в ходе цветных революций и свержения законных правительств, сети СМО и неоконсерваторов действуют до определённого момента в едином ключе, расходясь лишь в мелочах и деталях. Так, Майдан 2014 г. финансировали структуры Джорджа Сороса (СМО), но главарей Майдана поддерживали и неоконсерваторы (В. Нуланд).

И наконец, сети влияния американской гегемонии в тех странах, которые не являются полностью лояльными к США, представлены приоритетно структурами СМО. Так, в СССР они выдвинули идеологическую модель конвергенции, которую взял на вооружение М. Горбачев, что способствовало, в конце концов, падению СССР. В 1990-е гг. либералы, связанные с СМО, вообще оказались на первых ролях в руководстве страны.

Точно также обстоит дело и в других странах, хотя в Китае и в Иране свобода аналогичных инициатив по созданию открытых и влиятельных проамериканских центров существенно ограничена, и им остаётся опираться на оппозицию и маргинальные (диссидентские) круги.

Таким образом, Запад является не только цивилизационным явлением, но и обладает собственным центром — США, идеологией — американской гегемонистской доктриной, властной и интеллектуальной элитой — из числа элиты США, организационными структурами — в первую очередь, сети «политиков» СМО, и гораздо меньше — «господ» неоконсерваторов. Мы имеем дело с полноценной идеологической системой организации мира, ориентированной одновременно и на укрепление и сохранение американской гегемонии, и на продвижение либеральных идей и принципов в целях постепенного подчинения и

упразднения национальных государств, установления Мирового Правительства. Важно, что и МО-либералы, и деятели СМО практически не скрывают своих целей и задач: всё, о чём мы говорим, можно легко обнаружить в открытых источниках — статьях, публикациях, монографиях, интервью, и даже в учебниках по МО.

Антиамериканская идеология?

За фасадом кратко описанной нами американской (=либеральной) архитектуры миропорядка мы имеем дело с полноценной цивилизационной, геополитической и политической моделью, в центре которой стоит американская идеология. Это значит, что у тех, кто принимает основные решения в современном мире, есть строго фиксированная опора в виде представлений

- о сущности и ориентациях исторического процесса;
- о роли тех или иных стран и народов в судьбах человечества;
- о позитивных ценностях (свобода, торговля, индивидуализм, прогресс и др.) и негативных антитезах этим ценностям (авторитаризм, тоталитаризм, война, отсутствие перемен и др.);
- о нормативном политическом устройстве (либеральная демократия, тезис о том, что «демократия есть власть меньшинств, направленная против большинства, всегда склонного к тирании»);
- о поступательном развитии техники и технологий;
- об абсолютности и безальтернативности рыночного устройства;
- о свободе людей выбирать половую принадлежность;
- о необходимости демонтажа традиционных государств;
- о желательности смешений рас, культур и религий в едином глобальном мировом гражданском обществе и др.

И эта идеология лежит в основе образовательной, информационной и культурной политики стран Запада, определяет как военную, так и информационно-пропагандистскую стратегию, влияет на экономику и дипломатию. Существующая гегемония управляется именно этой идеологией и служит её интересам.

Поэтому если мы не согласны с самим фактом этой гегемонии и хотим ей противостоять, это будет тщетно в том случае, коль скоро мы будем бороться со следствиями вместо причин — с теми или иными вызовами, исходящими от США или их ближних и дальних сателлитов, от тех или иных организационных структур, обслуживающих американскую идеологию или от отдельных компаний. Всё это будет фрагментарно и бессистемно. В короткой перспективе любое отчаянное сопротивление может дать положительный эффект или как минимум затормозит наступление американской идеологии на наше общество. Но в более широком масштабе системе противостоять от лица

бессистемности нельзя. Точно также нельзя эффективно сопротивляться идеологии от лица деидеологизированной структуры. Прямых агентов иностранных спецслужб, представляющих собой низший состав в идеологической войне, можно идентифицировать и обезвредить, но агентура влияния, причём действующая вполне открыто, аналогичными прямолинейными методами не выявляется.

Из этого следует простой вывод: для эффективного оппонирования американской идеологии необходима более или менее симметричная структура. В центре её должна быть также именно идеология. Но только другая: русская православная идеология (Русский Мир), евразийство (континентализм).

Далее следует определить те страны, которые ориентированы на Россию и являются нашими союзниками. При этом идеология необходима хотя бы для того, чтобы выстраивать с ними «политические» (убеждающие), а не только «господские» (принуждающие), в аристотелевском смысле отношения. Те, кто подчиняется грубой силе (даже если эта сила наша) лучше, чем те, кто сопротивляется, но хуже, чем те, которые добровольно, по своему убеждению становятся друзьями и соратниками. Если у нас не будет идеологии, у нас не будет инструмента убеждения, а будут лишь инструменты принуждения. Это крайне неустойчиво и опасно. Поэтому и дружбу среди стран Евразийского Союза без идеологии (как минимум без идеологии интеграции) построить невозможно.

Ещё в большей степени это справедливо для стран, находящихся довольно далеко от нас и не имеющих с нами общих локальных интересов. Здесь идеология становится почти единственным инструментом для привлечения друзей. Сегодня многие страны с симпатией относятся к России только потому, что мы сопротивляемся США и их гегемонии, противимся насаждению американской идеологии. Остальное они додумывают сами. Но долго это длиться не может. Если мир поймёт, что мы действуем лишь реактивно, а значит полностью (хотя и обратным образом) зависим от Запада, или руководствуемся как прямолинейные МО-реалисты лишь эгоистическими национальными интересами, наступит разочарование.

И наконец, гибкая идеология позволила бы приобрести даже в странах Запада множество союзников, которые по тем или иным соображениям недовольны американской идеологией, ставшей сегодня тоталитарной и единственно разрешённой. Это могут быть антилибералы как справа, так и слева, или круги, по тем или иным, религиозным или мировоззренческим причинам отвергающие базовый идеологический набор, доминирующий в США и продвигаемый замкнутыми на них сетями в глобальном масштабе. Но чтобы отношения с ними становились системными, следует не только отвергать американскую идеологию, но и

предлагать взамен нечто системное, стройное и ответственное, основанное на истории, политической философии, на понятии субъекта, на толковании сущности времени и пространства.

И наконец, для противостояния американской идеологии нам необходимы институции, аналогичные СМО и неоконсерваторам, но только с обратным знаком. Это должны быть интеллектуальные центры элиты, отчётливо понимающей свою собственную цивилизационную и историческую идентичность и готовой эту идентичность укреплять и утверждать в отчаянной идеологической борьбе, которая будет неизбежна. Альтернатива же такой идеологической борьбе одна: полная идейная капитуляция перед американской идеологией.